

А.Ю. Мельвиль

**ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
ФАКТОРОВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ***

Постановка проблемы

«Тайна» рождения и жизни (иногда – смерти) демократии – одна из вечных проблем политической науки. Нет числа исследованиям, современным и идущим еще от Античности, стремящимся постичь, когда, как и почему возникают демократии, каковы благоприятные (или необходимые) для этого условия, какие факторы способствуют или препятствуют демократизации, поддержанию и развитию демократии.

Почему одни страны становятся демократиями, а другие нет? Что нужно для успешной демократизации? Нужны ли для демократии какие-то специфические предварительные условия какого бы то ни было характера – социально-экономические, геополитические, цивилизационные, культурно-ценностные и пр. – или решающими являются определенные решения и действия самих политических акторов, желающих или противящихся демократизации? Могут ли страны-неудачники, лишенные своей историей возможности вкусить блага демократии, выбраться из авторитарной «колеи зависимости» благодаря «субъективным» стратегиям, тактикам и волевым действиям демократизаторов или их судьба – ждать вызревания «объективных» условий для демократии? Все это совсем не новые вопросы, на которые давались и даются разные ответы. В один из центральных фокусов сравнительных политических исследований эти вопросы превратились начиная с 1950–1960-х годов как под влиянием попыток осмысления не всегда, мягко говоря, удачного опыта модернизации и «прививки» институтов западного типа освобождающимся после Второй мировой войны бывшим колониальным странам, так и в результате развития новых

* Статья подготовлена по материалам исследовательского проекта «Анализ режимных изменений в современном мире: новые демократии и/или новые автократии?» (ГЗ - 9.3), поддержанного Центром фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

количественных и качественных методов сравнительного анализа и значительного расширения эмпирического исследовательского поля. Следующий всплеск такого рода исследований последовал за «третьей волной» демократизации, с начала 1980-х годов. Его сегодняшней кульминацией стали попытки разобраться в факторах и результатах политических трансформаций, во многом очень неоднозначных, в посткоммунистических и постсоветских странах (при всей условности этой классификации в современных условиях).

С самого конца 1980-х и начала 1990-х годов в политическом дискурсе возобладал удивительный и ни с чем не сравнимый дух демократического оптимизма, когда вдруг показалось, что политическая и общественная реальность стала пластичной и ее можно лепить или конструировать по известным демократическим лекалам. Дух того времени хорошо отражает удивительно точное название книги Джузеппе Ди Пальма «To Craft Democracies» [Di Palma, 1990] – как «изготовить» демократию, именно «вылепить», а не «вырастить». Тогда же укрепилось векторное представление о мировой динамике: от распада тех или иных форм авторитаризма – к либеральной демократии и рыночной экономике. Как будто «Коммунистический манифест» наоборот – все страны раньше или позже придут к торжеству демократического будущего. Либеральная демократия воспринималась тогда как универсальная ценность и всеобщая цель развития. 20 лет спустя, однако, политический мир выглядит совсем иначе. Как будто после какого-то Большого взрыва траектории политического развития разлетаются в разные стороны, разрушая привычные режимные типологии. Мировая динамика вовсе не линейна, реальность уже не кажется пластичной, универсальной модели глобального развития нет. Нет единого вектора развития для всех стран и народов, нет единого будущего человечества – коммунистического, либерального, рыночного и любого иного – есть разнонаправленность, множественность миров в нашем современном «глокальном» мире. Надежды и иллюзии по поводу ожидавшегося единого и всеобщего вектора глобального политического развития – от авторитаризма к демократии – практически забыты.

Сегодня больше говорят о «демократическом откате» [Diamond, 2008], «диффузии авторитаризма» [Ambrosio, 2010], «демократической стагнации» и «постдемократии» [Crouch, 2003], угрозе вырождения демократии в охлократию или «аудиторную демократию» [Manin, 1997]. Демократические достижения прошлых десятилетий названы «лексическими победами» демократии [Данн, 2010]. Сама демократия уже не воспринимается многими как универсальная ценность и модель для подражания.

Есть ли для этого основания? Трудно дать однозначный ответ. Одни страны, бывшие автократии и диктатуры, вполне преуспели в демократическом строительстве. Другие и вовсе не собирались идти по этому пути, а целью псевдodemократических деклараций их лидеров было просто добиться симпатий западных партнеров. Между этими двумя крайностями –

самые разные модели политических трансформаций с противоречивыми и «гибридными» результатами. Самый предварительный аудит итогов «третьей волны» демонстрирует удивительное разнообразие возникших политических режимов – от тех, до которых она практически «не докатилась», до тех, которые были ею непосредственно порождены. Если попробовать представить себе глобальный спектр современных политических режимов, то на одном его полюсе расположатся вполне устоявшиеся «старые» демократии и «новые» успешные и консолидированные либеральные демократии, с полными основаниями вступившие в демократический «клуб». Список ставших в нем «полными членами» варьируется в зависимости от той или иной типологии или индекса (от Freedom House и Polity IV до индексов «Экономиста» и фонда Бертельсмана), но в любом случае не слишком велик – лишь немногие из тех, кто начал «гонку», пересекли условную финишную ленту.

Современные автократические оппоненты демократизации включают в себя типологические различные режимы [Snyder, 2006; Brooker, 2009] – от обломков тоталитарных и посттоталитарных систем до правящих монархий, персоналистских диктатур, теократий и этнократий, военных режимов и «неудачных» государств, которые по виду кажутся автократиями, но на самом деле неспособны ни к какому сколько-нибудь эффективному управлению.

Между двумя этими полюсами – обширная «туманность» своего рода «промежуточных» режимов, которые совершили некие транзиты и трансформации, но отнюдь не в ожидавшемся демократическом направлении. Они даже близко не подошли к качеству демократий «с изъянами». Вопрос о направленности такого рода трансформационных процессов, а также являются ли они промежуточными этапами на пути к будущей демократии, остается открытым (вот масштабная задача на будущее для политической компаративистики!). Среди них – самые разнородные как «демократии с прилагательными», так и «автократии с прилагательными» – «нелиберальные демократии» [Zakaria, 2003], «гибридные режимы» [Diamond, 2002], «электоральный авторитаризм» [Electoral authoritarianism, 2006], «конкурентный авторитаризм» [Levitsky, Way, 2002; Levitsky, Way, 2010] и т.п.

В этом условном спектре рядом со «старыми» автократиями, даже не помышлявшими о демократизации, можно расположить и «новые» автократии разных типов, которые по сути своей как раз и возникли в ходе разнонаправленных политических трансформаций последних десятилетий. Среди них – новые «выборные монархии», «наследственные президентства», «клановые» режимы и т.п. Некоторые из них, как на первый взгляд кажется, вообще не были подвержены трансформациям, но это не так. Они либо «зависли» в своем транзите, либо в конце концов вновь откатились к авторитаризму, став в результате новыми типами автократий. Во многих случаях «новые» автократии отличаются от других, привычных форм ав-

торитаризма (такие политические траектории особенно характерны для многих постсоветских трансформаций).

Чем объясняется такое разнообразие результатов режимных изменений последних десятилетий? Почему одни страны попытались стать демократическими, а другие – нет? Почему так много транзитов и трансформаций так и не привели к демократизации? Какие факторы оказались решающими для результатов режимных изменений – отсутствие (или недостаток) «объективных» условий для демократии или «субъективные» действия политических акторов, вытекающие то ли из их «злой воли», то ли из личных амбиций и интересов, то ли из их непредумышленных ошибок.

Поставим вопрос шире: существуют ли какие-либо условия «объективного» характера, способствующие или препятствующие формированию демократических институтов и практик, и что (или кто) определяет пределы («потолки») демократического развития в конкретном социально-историческом контексте?

Постановка этих очень важных вопросов сегодня в методологическом плане требует, во-первых, аудита основных, наиболее влиятельных концептуальных подходов к пониманию демократии и демократизации, во-вторых, эмпирического анализа эффективности применяемых качественных и количественных методов анализа применительно к поставленным вопросам.

Альтернативные объяснительные модели

В современной литературе, посвященной проблемам демократии (прежде всего ее генезису и эволюции), факторам ее возникновения и поддержания, проблемам изменения политических режимов и др., выделяются две крупные модели. Первая, возникшая в качестве магистральной объяснительной модели в сравнительной политологии в 1950–1960-х годах, исходит из тезиса о том, что возникновение институтов политической демократии является результатом определенных «объективных» процессов и предпосылок. «Демократия успешно возникает как оформление результатов иных социальных и экономических процессов» [Kaplan, 1997, p. 60]. Эти так называемые «структурные» процессы и предпосылки имеют разную природу и относятся к историческим, социально-классовым и социально-экономическим факторам, особенностям нациообразования и государственного строительства, типу политической культуры, особенностям экономического развития, степени гомогенности или фрагментированности общества и др. Главное в том, что эти предпосылки имеют историческую природу, они объективны и не зависят от конкретных решений и действий политических акторов. Отсутствие этих условий и предпосылок задает ограничения и «потолки» возможного демократического развития.

Вторая возникла в политической компаративистике в 1980-х годах как попытка разработать теоретико-методологическую модель объяснения

режимных изменений «третьей волны» демократизации. В данном случае основной упор был сделан не на предпосылках и условиях возникновения демократии, а на конкретных политических решениях и действиях акторов, разрабатывающих политические стратегии и тактики и стремящихся претворить их в жизнь. С этой точки зрения для формирования демократических институтов и процедур нет нужды ждать вызревания объективных, структурных условий и предпосылок – главное в «субъективных» решениях и действиях ключевых для демократизации акторов, прежде всего различных элитных групп: «Не существует предпосылок демократии, кроме готовности национальной элиты начать осуществлять демократическое правление» [Diamond, 2003, p. 2].

«Структурный» подход к проблематике формирования и развития демократии изначально фокусировался на анализе «первой» и «второй волн» демократизации (в известной классификации С. Хантингтона), т.е. становления первых (в современном понимании) демократических политических в Европе и Америке в XVII–XVIII вв. и вплоть до периода после Второй мировой войны. Однако его послышки в принципе применимы и к анализу «третьей волны». В обосновании преимущественной роли «структурных» факторов в качестве необходимых условий и предпосылок демократии выделяются следующие основные модели аргументации.

Переход от аграрного к индустриальному обществу и формирование новой социальной структуры с центральной фигурой буржуа [Moore, 1966; Rueschemeyer, Stephens, Stephens, 1992]. В каком-то смысле это даже не аргумент, а априорная посылка, вытекающая из нормативного понимания «современной» (т.е. возникающей с XVIII в.) демократии.

Формирование эффективной государственности, государственного единства и национальной идентичности как главного (для Д. Растоу – единственного) условия демократии [Rustow, 1970; Linz, Stepan, 1996; Tilly, 2007; Fukuyama, 2007; Mansfield, Snyder, 2007]. Это один из широко обсуждаемых сегодня сюжетов, по которому тем не менее все же нет стопроцентного единодушия. Едва ли не доминирующий аргумент заключается в том, что попытки демократизации в ситуации, когда отсутствуют сколько-нибудь сильные и эффективные государственные институты, могут привести к опасному хаосу. Сохраняющиеся расхождения здесь связаны с различиями в понимании критериев силы и эффективности государства – как преимущественно способности проводить в жизнь решения власти, прежде всего исполнительной [см., например: Оппозиции нашего времени, 2011] либо как качества государственных институтов (например, по индексам Всемирного банка). Отдельный вопрос связан с возможностями навязывания («содействия развитию») демократических институтов при отсутствии состоятельного государства [Tansey, 2007; Is democracy inevitable, 2009].

Относительно высокий уровень экономического развития как условие демократии. Это едва ли не доминирующее направление аргумента-

ции, породившее гигантскую литературу теоретического и эмпирического характера. Начиная с основоположника этой теоретической модели М. Липсета [Lipset, 1959] и его эпигонов изначальный тезис состоит в том, что относительно высокий уровень экономического развития является условием для демократии (поскольку порождает новую социальную структуру – прежде всего средний класс, требующий представительства своих интересов посредством демократических институтов). Более поздние эмпирические исследования, тоже ставшие классическими [Przeworski, Limongi, 1997; Democracy and development, 2000], вносят в эту линию аргументации достаточно серьезные коррективы: демократизация может начинаться при разных (в том числе относительно низких) уровнях экономического развития, однако высокий ВВП на душу населения представляет собой хорошую гарантию против упадка существующего демократического режима и его замены авторитаризмом. На сегодня это доминирующая тема в литературе по проблемам экономических факторов демократизации, хотя дебаты и критика аргументов А. Пшеворского и его коллег продолжается [Boix, 2003; Boix, Stokes, 2003; Acemoglu, Robinson, 2006; Democratic transitions, 2006].

Политическая культура «гражданского» типа [Almond, Verba, 1963] – аргумент, тоже ставший почти классическим, хотя целый ряд социологических исследований показал, что сами переходы к демократии могут начинаться в условиях, когда «гражданские» ценности не являются ни доминирующими, ни сколько-нибудь распространенными. В последующих разработках акцентируется роль общественно признаваемых так называемая «ценностей эмансипации», а также ценностей равенства и толерантности [Inglehart, Welzel, 2005; Fish, 2009]. Но и эти выводы оспариваются [Teorell, Hadenius, 2006].

Отсутствие в обществе непримиримых или острых расколов – социальных, этнических, религиозных, территориальных и др., а также чрезмерной фрагментации и сегментации общества [Chirot, 2009]. Опять-таки это распространенный в литературе аргумент, но не универсальный, хотя бы потому, что выносит за скобки прецеденты демократического строительства в «многосоставных» обществах (в терминологии А. Лейпхарта).

Экономическое развитие, не основывающееся на ресурсной модели (resource curse) государства-пантэе [Huntington, 1991; Ross, 2001; Gurses, 2009; Treisman, 2010]. При сохраняющихся нюансах в оценках по этому вопросу существует относительное согласие.

Религиозные традиции протестантизма (и позднее – католицизма) как благоприятные условия для демократии. Здесь доминирует тема ислама как препятствующей демократизации религиозной культуры и двойственных эффектов православия, буддизма и конфуцианства при практически отсутствующей теме иудаизма [Fish, 2002; Diamond, 2010]. При кажущейся очевидности вопрос о взаимоотношениях ислама и демократии тем не менее не закрыт, о чем свидетельствуют как продолжающиеся дис-

куссии [Ibrahim, 2007; Elshtain, 2009], так и недавние революционные свержения ряда диктатур в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Появляются также работы, в том числе эмпирического характера, переводящие эту проблему из плана эффектов ислама в область социокультурных «арабских традиций» [Diamond, 2010; Teorell, 2010].

Качество институтов как характеристика стабильной и эффективной демократии. Это особенно модная тема, начиная с серии исследований под эгидой Всемирного банка, World Peace Foundation, фонда Бертельсмана и др. [Norris, 2005; Sharma, 2007; Besançon 2003; Полтерович, Попов, 2006; Kaufmann, Kraay, 2008; Popov, 2009; 2010]. Факт корреляции между уровнем демократии и качеством институтов налицо. Вместе с тем многочисленные исследования, посвященные этой проблеме, не дают все же оснований для сколько-нибудь однозначных выводов о причинной зависимости между демократией и качеством институтов: то ли демократия ведет к повышению качества институтов, то ли высокое качество институтов способствует установлению демократии, то ли связь носит двусторонний характер, обуславливая «эффект самоусиления институтов».

Отсутствие в обществе чрезмерного имущественного неравенства (важная для теории демократии идея, истоки которой можно проследить еще в Античности). Очень часто в современных исследованиях этот фактор учитывается с помощью коэффициента Джини. При этом в ряде исследований содержатся эмпирические свидетельства того, что имущественное (и иное) неравенство препятствует не демократизации как таковой, а демократической консолидации [Democracy and development, 2000; Voix, 2003; Acemoglu, Robinson, 2006; Houle, 2009]. В исследованиях Т. Ванханена фактор неравенства трактуется расширительно – в аспекте распределения совокупных ресурсов [Vanhanen, 1997].

Международные влияния на режимные изменения, происходящие в отдельных транзитных странах или группах стран. За последние два десятилетия появился буквально шквал литературы (как аналитической, так и сугубо политической направленности), представляющий целый спектр позиций и аргументов, в том числе в отношении конкретных внешнеполитических стратегий. Их анализ не входит в наши задачи. Но важно зафиксировать одну четко выявленную в литературе зависимость – между типом формирующегося режима и его открытостью внешним (каким бы то ни было, идущим от какого бы то ни было источника – США, ЕС, РФ, Китая, Турции, Ирана и т.д.) влияниям [Kopstein, Reilly, 2000; Pevehouse, 2002; Burnell, 2005; Vanhanen, 2005; Is democracy inevitable, 2009].

Перечень структурных факторов, потенциально выступающих в качестве условий (благоприятных или неблагоприятных) демократии, может быть продолжен (так, в некоторых исследованиях выделяется роль климатических условий и общенациональный коэффициент интеллекта (IQ) [см.: Vanhanen, 2009]), но перечисленные выше рассматриваются в существующей литературе как наиболее значимые.

Альтернативный – процедурный, актор-ориентированный – подход, делающий упор на субъективные факторы, влияющие на характер и направленность режимных трансформаций, исходит не из «органистического» представления о возникновении («произрастании») демократии из набора объективных предпосылок, а из своего рода конструктивистской установки, согласно которой демократические институты и практики можно «сконструировать» по определенным «лекалам». Основные факторы, которыми сторонники процедурного, актор-ориентированного подхода [O'Donnell, Schmitter, 1986; Przeworski, 1992; Linz, Stepan, 1996; Colomer, 2000] объясняют траектории и результаты транзита, следующие:

– характер и особенности «выхода» из авторитаризма (или посттоталитаризма) при начале демократического транзита (применительно к посткоммунистическим странам – особенности кризиса правящих компартий; инициатива реформ «сверху» либо «снизу»; протестное давление «снизу»; наличие или отсутствие «пакта» / «круглого стола» и др.);

– роль и влияние институционального дизайна, избираемого для новой демократии (форма правления, характер партийной и избирательной систем и др.);

– взаимоотношения со «старой» и «новой» оппозицией и в целом – формирующаяся система взаимодействий между ключевыми политическими акторами на всех стадиях режимной трансформации (во многих случаях в соответствующей литературе используются модели теории игр);

– смена или сохранение старых элит (пусть в каких-либо «превращенных» формах);

– характер проведения первых учредительных выборов (founding elections);

– особенности вторых выборов («выборов разочарования»);

– ротация власти как один из ключевых критериев демократического правления;

– уровни реальной (неформальной) политической конкуренции, прежде всего на выборах главы государства и легислатуры;

– отношение власти к политическому плюрализму;

– качество проводимых выборов;

– использование властью или оппозицией насилия для достижения политических целей и результатов;

– отношение к внешним воздействиям (со стороны США, ЕС, РФ и др.);

– наличие эффективных институциональных ограничителей (в том числе реального разделения властей), препятствующих злоупотреблениям полномочиями исполнительной власти, и др. Заметим, что эта тема в современных эмпирических исследованиях факторов, содействующих или препятствующих демократизации, является одной из интенсивно обсуждаемых.

Важно подчеркнуть, что при всех их различиях не стоит преувеличивать полярность и непримиримость структурного и процедурного под-

ходов к анализу демократии и демократизации, в том числе режимных изменений [Mahoney, Snyder, 1995; Мельвилль, 1989]. В действительности влияние объективных, структурных факторов осуществляется через субъективные действия реальных политических акторов, в то время как особенности принимаемых акторами решений и выбираемых ими стратегий и тактик в свою очередь во многом коренятся в специфике исторических, культурно-цивилизационных, социально-экономических и иных условий: «Мало сомнений в том, что структурные факторы – политические, экономические, социальные и культурные – имеют особое значение в понимании процесса консолидации и задач демократов в этом процессе. Поскольку многие из этих структурных условий не могут быть изменены быстро, мы должны больше внимания обращать на те условия, которые можно изменить с помощью политической инженерии... Особо значимо то, что снова уделяется внимание социально-экономическим условиям, благоприятным или неблагоприятным для демократии, о которых наше знание велико. Однако мы не можем исключить возможность преодоления этих обуславливающих факторов благодаря политическому лидерству и политической инженерии» [Linz, 2007, p. 136].

Вместе с тем эти два теоретико-методологических подхода реально используются в качестве двух альтернативных объяснительных моделей в анализе многообразия режимных трансформаций «третьей волны». При этом наработанные на сегодня «тонны» теоретической и эмпирической литературы вряд ли дают основания для какого-либо однозначного вывода о том, какие из указанных факторов структурного и процедурного характера оказывают преимущественное влияние на результаты режимных изменений, а также «где» и «когда» это влияние проявляется наиболее интенсивно. Практически на каждый аргумент в современной литературе по рассматриваемой нами проблематике можно найти соответствующий контраргумент. Это относится как к качественным, так и к количественным (Large-N) исследованиям факторов демократизации.

Ситуация осложняется еще одним обстоятельством, которое не так часто получает четкую теоретико-методологическую формулировку: существуют ли достаточные основания считать, что все совокупности рассматриваемых в рамках описанных выше объяснительных моделей факторов демократизации могут претендовать на универсальный характер? Иными словами, каковы аргументы, позволяющие утверждать, что возникновение и динамика существующих или новых демократических институтов и практик в самых различных социально-исторических и иных контекстах подчиняются некоторым единым закономерностям? Казалось бы, бесчисленные, посвященные анализу факторов демократизации качественные и количественные исследования как раз и направлены на выявление этих универсальных закономерностей. Вместе с тем их неоднозначные результаты могли бы потребовать более четкого и обстоятельного

рассмотрения самой посылки об универсальном характере этих факторов [Geddes, 2007, p. 323].

Проблема заключается в том, что для верификации посылок структурного и процедурного подходов к демократии и демократизации (и поиска направлений для их синтеза) необходим *выход за их методологические рамки и применение набора «третьих» методологий, в том числе основанных на их сочетании.*

Исследовательский проект «Анализ факторов режимных трансформаций»: Гипотезы, методология, база данных

В рамках исследовательского проекта «Анализ факторов режимных трансформаций в современном мире: новые демократии и/или новые автократии», осуществленного в НИУ-ВШЭ¹, была осуществлена попытка сочетания количественных и качественных методов анализа некоторых из обозначенных выше проблем.

На основе критического анализа существующей литературы по проблематике проекта были сформулированы следующие *гипотезы*:

- стратегии политических акторов значимы в начале транзита, тогда как структурные факторы – на стадии демократической консолидации;
- роль структурных факторов является определяющей в отношении конечных результатов режимных изменений;
- структурные факторы задают пределы («потолки») демократизации в конкретном социально-историческом контексте, независимо от действий акторов;
- на результаты режимных изменений (консолидированные демократии, «демократии с изъянами», гибридные режимы, новые автократии, персоналистские диктатуры и пр.) влияет качество институтов.

Методология исследования предполагала сочетание количественных (многомерных статистических) и качественных (кросснациональные сравнения, сравнительный анализ страновых казусов) методов. Именно сочетание этих методов использовалось нами, в частности, как способ самопроверки и своего рода перекрестного поиска ответов на вопросы, которые представляются затруднительными для каждого отдельного набора исследовательских методов.

Дело в том, что в современной литературе существуют две крайне богатые, однако, как правило, не взаимосвязанные методологические традиции сравнительного анализа факторов, способствующих или препятствующих демократии и демократизации. С одной стороны, это *проблемно-*

¹ Проект осуществлялся при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ (участники – А.Ю. Мельвиль, А.В. Загорский, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полуниин, Д.К. Стукал, И.Н. Тимофеев, О.Г. Харитоновна, Р.У. Камалова, Д.М. Хенкина). В данной статье используется лишь часть материалов, полученных в рамках проекта.

страновые сравнительные исследования, в которых на материале одного или нескольких казусов предпринимаются попытки выявить закономерности политических процессов, обуславливающих тот или иной результат режимных трансформаций. По сути дела, это главенствующая методологическая линия в «классических» исследованиях факторов демократизации [Almond, Verba, 1963; Inkeles, Smyth, 1974; Moore, 1996; Rueschemeyer, Stephens, Stephens, 1992 и др.], а также в «мейнстриме» транзитологических разработок [Di Palma, 1991; Huntington, 1991; Linz, Stepan, 1996; O'Donnell, Schmitter, Whitehead, 1986 и др.]. С другой стороны, бурно развивающаяся традиция все более методологически утонченных *количественных исследований* общих закономерностей и факторов демократизации на разных, преимущественно *Large-N* выборках [Acemogly, Robinson, 2006; Barry, 1994; Boix, 2003; Democratic transitions, 2006; Gleditsch, Ward, 1997; Inglehart, Welzel, 2005; Lipset, 1959; Democracy and development, 2000; Teorell, Hadenius, 2007; Teorell, 2010 и др.].

Эти методологические традиции, однако, во многом существуют как бы в параллельных мирах и недостаточно, на наш взгляд, соприкасаются. В целом в современной литературе очень немного комплексных сравнительных исследований факторов демократизации с сочетанием количественных и качественных методов. Мы предприняли попытку внести свою скромную лепту в разработку этого методологического сюжета.

В качестве *независимых переменных* в нашем проекте выступают, во-первых, типологические разновидности политических режимов, формирующихся в ходе социально-экономических и политических трансформаций «третьей волны» и, в частности, посткоммунистических трансформаций. Содержание этих переменных (собственно говоря, сами режимные результаты) определяется на основе анализа измеряемых режимных характеристик посткоммунистических и иных стран, фиксируемых различными рейтинговыми инструментами (Polity IV, Freedom House; Transparency International; Bertelsmann Transformation Index; Democracy Index, рассчитываемый Economist Intelligence Unit журнала «Экономист»; Index of Democratization Ванханена и др.). Для унификации этих (в основном сильно коррелирующих) показателей мы используем специально разработанный в рамках проекта интегральный индекс демократии.

Во-вторых, независимые переменные включают экономические, социальные и политические (внутренние и внешние) факторы, а также стратегии и тактики политических акторов. В методологии исследования проводится различие структурных и процедурных факторов в качестве двух альтернативных фокусов анализа и интерпретации процессов политического развития и трансформаций. Структурные («объективные») факторы в соответствии с распространенными в современной сравнительной политологии теоретико-методологическими подходами рассматриваются как возможные предпосылки демократии и успешной демократизации (среди них: уровни экономического развития и темпы экономического роста,

уровни социально-экономической модернизации, эффективная государственность и национальная идентичность, отсутствие непримиримых этнических, религиозных и иных конфликтов и расколов в обществе, характер доминирующей религии, «нересурсный» тип экономики, качество институтов, особенности колониального наследия, территориальная близость к «старым» демократиям, особенности политической культуры и др.).

Еще одну группу независимых переменных составляют «субъективные» (процедурные) факторы, т.е. те или иные стратегические и тактические решения и действия, избранные и осуществленные ключевыми политическими акторами в ходе демократического транзита (характер «выхода» из старого режима, композиция основных акторов и их «игры», смена элит, характер конкуренции, отношения с оппозицией, ротация власти, институциональный дизайн «новых» демократий, наличие институциональных ограничителей для действий исполнительной власти, реальные возможности законодательной власти и др.). Значения этих переменных по большей части определяются на основе экспертного анализа.

Зависимые переменные в данном исследовании – это взаимовлияния между структурными и процедурными факторами, с одной стороны, и результатами режимных трансформаций – с другой.

Количественные методы (включая методы многомерного статистического анализа) используются, прежде всего, применительно к анализу статистических баз данных – как существующих (WDI, IMF, UN, UNESCO, POLITY IV, Freedom House, IFES, PARLINE, Election Guide и др., включая базу данных проекта «Политический атлас современности»), так и специально создаваемых в рамках проекта, в том числе позволяющих проводить анализ временных рядов применительно к изучаемой выборке стран.

Используемые в проекте качественные методы сравнительного анализа страновых казусов (и их сочетаний) позволяют верифицировать некоторые результаты, полученные на основе количественных методов.

Выборка, используемая в проекте, включает 29 посткоммунистических стран: Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Монголия, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Хорватия, Чехия, Эстония, Украина, Узбекистан, Черногория.

Для целей сравнительного анализа и проверки аргументов, разработанных в рамках структурного и процедурного подходов, в выборку для базы данных были также включены различные типы «контрастных» стран:

– «старые» демократии (Франция, Норвегия, Швейцария, Великобритания);

– другие страны «третьей волны» (Испания, Аргентина, Боливия, Бразилия, Ботсвана, Чили, Колумбия, Эквадор, Сальвадор, Греция, Гондурас, Индонезия, Южная Корея, Малайзия, Мексика, Мозамбик, Парагвай,

Перу, Филиппины, Португалия, Южная Африка, Тайвань, Таиланд, Турция, Уругвай, Венесуэла);

– социалистические страны, не вошедшие в группы «транзитных» стран «третьей волны» (КНР и Вьетнам);

– автократии разных типов, в том числе «ресурсные» (Пакистан, Катар, Саудовская Аравия);

– Индия в качестве специфического казуса «неполной», но относительно стабильной демократии, выступающей в качестве своего рода «контраста» по отношению к ряду основополагающих аргументов структурного подхода (уровень социально-экономического развития, сегментация общества и др.).

База данных проекта формировалась применительно ко всем странам выборки. С учетом наличия (либо отсутствия) требуемых статистических данных была осуществлена попытка выявить и сгруппировать структурные и процедурные переменные следующим образом.

Переменные, отражающие уровень и типы экономического развития (ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (далее – ППС)), в текущих ценах, в постоянных ценах 2000 г.; ежегодный прирост ВВП; экспорт товаров и услуг в % от ВВП; импорт товаров и услуг в % от ВВП; добавленная стоимость в промышленности, в % от ВВП; внешний долг (в государственных ценных бумагах) в % от ВВП; доля экспорта руд и металлов в общем объеме товарного экспорта; доля экспорта топлива в общем объеме товарного экспорта).

Переменные, отражающие различные социально-демографические характеристики, в том числе показатели общего уровня модернизации (доля городского населения, годовой прирост городского населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении; уровень младенческой смертности; уровень смертности детей до пяти лет; индекс Джини; телефонные линии в расчете на 100 человек; количество пользователей мобильной связью на 100 человек; количество пользователей сети Интернет на 100 человек; уровень грамотности взрослого населения; совокупная доля учащихся начального, среднего и высшего образования; общий уровень начального, среднего и высшего образования; уровень образованности – уровень грамотности взрослого населения и совокупная доля учащихся в населении; индекс развития человеческого потенциала; этническая фрагментация; религиозная фрагментация; доля населения, исповедующего католицизм; доля населения, исповедующего протестантизм; доля населения, исповедующего ислам; доля населения, исповедующего иную религию, кроме католицизма, протестантизма и ислама; преобладающая религия; индекс этнической поляризации; индекс этнической фракционности; индекс религиозной поляризации; индекс религиозной фракционности; преобладающие лингвистические группы; преобладающие этнические группы; время существования суверенной государственности; и др.). При этом после серии пилотных исследований мы были вынуждены отказаться от

попыток включения в число структурных переменных создаваемой базы данных факторов, отражающих особенности господствующей политической культуры. Попытки воспользоваться для этих целей базами данных, созданных в рамках проектов Р. Инглехарта и Х. Велзела («ценности эмансипации» – равенство, толерантность, автономия и самовыражение), а также проекта С. Фиша (равенство и толерантность) не дали сколько-нибудь значимых результатов в силу отсутствия данных для слишком многих стран нашей выборки.

Иные переменные преимущественно структурного характера, рассчитываемые по репрезентативным индексам (индекс развития бизнес-среды; индекс правопорядка; индекс качества регулирования; индекс восприятия коррупции; индекс подотчетности власти; индекс политически мотивированного насилия и отсутствия стабильности; индекс эффективности государства; индекс качества регулирования отношений в частном секторе, индекс верховенства права; индекс контроля над коррупцией; индекс развития человеческого потенциала; индекс экономической свободы в мире и др.).

Переменные, характеризующие различные аспекты результатов режимных трансформаций «третьей волны» (индексы Freedom House; индекс Polity IV; индексы фонда Бертельсмана; индекс демократии Т. Ванханена; унифицированный индекс демократии Unified Democracy Score; индекс демократии журнала «Экономист»; индекс восприятия коррупции).

Переменные, отражающие отдельные характеристики режимных трансформаций и их результатов в соответствии с процедурным, актор-ориентированным подходом (уровень конкуренции при выборах главы исполнительной власти; уровень конкуренции при выборах легислатур). Следует признать, что на данном направлении исследование в части наполнения статической базы столкнулось (как и в случае переменных, относящихся к факторам политической культуры) с серьезными ограничениями объективного характера. Дело в том, что, как выяснилось в ходе реализации проекта, для большинства процедурных переменных, заложенных в проект, практически не существует достоверных и универсальных статистических баз данных. Поэтому совокупность процедурных переменных и параметров их влияния на траектории и результаты режимных изменений применительно к 29 посткоммунистическим странам была проанализирована в рамках проекта на основе качественного сравнительного анализа страновых казусов.

Результаты анализа

Избранная методология исследования, прежде всего в части использования многомерных статистических методов, изначально задала определенные *ограничительные рамки*. В частности, в базу данных была занесена информация по большинству (хотя и не по всем) структурных факторов демократии и демократизации. Процедурные, актор-ориентированные факторы в гораздо меньшей степени поддаются формализации (за исключением таких переменных, как формат институционального дизайна и уровни политической конкуренции). В силу этих ограничителей мы сосредоточились именно на выявлении *влияния ряда ключевых структурных условий на результаты политических трансформаций* в посткоммунистических странах нашей выборки.

В рамках проекта операционализация независимой переменной, характеризующей уровни демократического развития стран выборки, была осуществлена с помощью специально разработанного интегрального индекса демократии (на основе индексов Freedom House и Polity IV). Смысл его разработки в рамках используемой в исследовании методологии заключался в попытке «сгладить» имеющиеся в использованных двух базовых индексах демократии «выбросы» показателей по отдельным странам, которые могут проистекать из неточностей измерения либо из привносимых в экспертных оценках элементов политического субъективизма.

Из всей группы структурных переменных, занесенных в базу данных исследования, осуществленный анализ¹ выявил четыре наиболее значимых – ВВП на душу населения по ППС, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень развития человеческого потенциала (ИРЧП) и уровень неравенства в доходах (Джини). Другие структурные переменные (природные ресурсы, религиозный фактор и др.), как выяснилось, не являются в нашей выборке достаточно значимыми для определения влияния на результаты режимных изменений. В целом полученные нами результаты соответствуют (либо не противоречат) выводам ряда других исследований, сходных по своей исследовательской направленности, но различающихся по выборке и по методологии [Barry, 1999; Diskin, Diskin, Hazan, 2005; Teorell, Hadenius, 2007; Teorell, 2010].

Выявленные четыре наиболее значимые структурные переменные в своей совокупности значимы для стран выборки все же по-разному. С точки зрения построенной модели *наиболее типичными* для выявленной закономерности являются Словакия, Хорватия, Македония и Болгария, *наименее типичными* – Беларусь, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Молдова, Литва, Эстония. Напомним, что речь идет о влиянии стартовых условий трансформации на режимные результаты, рассчитываемые по ин-

¹ Количественный анализ в проекте был проведен Д.К. Стукалом. См. также: [Мельвиль, Стукал, 2011].

тегральному индексу демократии. Заметим, что по крайней мере позиции некоторых из этих стран в данной типологии не поддаются содержательной интерпретации. Очевидно, здесь потребуется методологическая корректировка аналитических подходов.

В целом же, полученные нами результаты, с одной стороны, *подтверждают* гипотезы нашего исследования, вытекающие из анализа существующей теоретической и эмпирической литературы, но с другой – *вносят в них важные коррективы*.

Осуществленный статистический анализ выборки 29 посткоммунистических стран по избранной методологии фиксирует значимую (на уровне чуть менее 50%) зависимость между выделенными выше четырьмя структурными переменными и результатами режимных трансформаций, определяемых по интегрированному индексу демократии. В соответствии с исходными посылками нашего исследования эти результаты позволяют сделать вывод о том, что иное (тоже на уровне чуть более 50%) влияние на режимные результаты посткоммунистических трансформаций оказывают не структурные, а процедурные факторы – решения и действия ключевых политических акторов. Этот вывод подтверждается также осуществленным качественным сравнительным анализом страновых казусов¹.

На основе критического анализа существующей литературы по исследуемой проблематике были сформулированы два допущения – относительно наиболее и наименее благоприятных для результатов транзита сочетаний процедурных переменных. Последующий качественный анализ позволил выявить шесть переменных, наиболее значимых для демократического результата режимных изменений:

- инициирование реформ «снизу»;
- программа оппозиции, эволюционирующая от националистической к гражданской, общедемократической направленности;
- механизмы смены режима на основе договоренности о переходном периоде;
- избираемая форма правления (парламентская);
- способы разрешения конфликтов, возникающих в процессе политической трансформации, исключающие применение силы;
- открытость внешним влияниям и общая «европейская ориентация».

Выявленные значимые процедурные переменные в дальнейшем могут быть использованы при объяснении конкретных причин, раскрывающих особенности траекторий политических трансформаций и режимных изменений. Эти причины нуждаются в более глубоком и методологически специализированном исследовании.

В рамках проекта количественные методы использовались также для осуществления *кластерного анализа*. При этом преследовались две цели:

¹ После отработки общих методологических подходов конкретный сравнительный анализ страновых казусов был проведен А.В. Загорским.

во-первых, попытаться построить кластеры посткоммунистических стран на основании близости траекторий политических трансформаций, во-вторых – на основании сходства режимных результатов, соотносимых со структурными характеристиками стартовых условий при начале трансформации. Попытки решения первой задачи нельзя считать удачными – несмотря на различные варианты использованных методов кластеризации (Спирмен, метод дальнего соседа; Спирмен, метод ближнего соседа; Пирсон, метод дальнего соседа; Пирсон, метод ближнего соседа; Спирмен, метод межгрупповой связи; Спирмен, метод внутригрупповой связи; Пирсон, метод межгрупповой связи и др.), полученные результаты не поддаются удовлетворительной качественной интерпретации.

В случае решения второй задачи полученные шесть кластеров представляются более осмысленными, хотя и не без изъянов:

– Словения, Чехия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Словакия, Польша;

– Македония, Румыния, Болгария, Украина, Хорватия;

– Грузия, Молдова, Армения, Албания, Монголия;

– Беларусь, Россия, Казахстан;

– Киргизия, Таджикистан;

– Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан.

Первый кластер интерпретируется как группа, состоящая из консолидированных демократий и демократий «с изъянами», но тем не менее явно приближающихся к условному европейскому стандарту. Эти страны с точки зрения, заложенной в методологию кластеризации задачи, стартовали с наиболее благоприятных структурных условий (с учетом результатов предшествующего анализа – ВВП/человек, ожидаемая продолжительность жизни, ИРЧП и Джини). Во втором кластере – в основном страны, стремящиеся в первую группу. Третий кластер мог бы интерпретироваться как вариации гибридных режимов, если бы не Молдова и Монголия, которые явно тяготеют ко второму кластеру. Четвертый кластер – исследовательская удача! Все три страны – Беларусь, Россия и Казахстан – сходны по уровню благоприятных для транзита структурных условий, однако все три развиваются по иным траекториям. С точки зрения «структурной ортодоксии» они могли бы двигаться в направлении первого и второго кластеров, но этого не произошло. В рамках методологической дихотомии, на которой базируется исследование, следует предположить, что режимный результат объясняется действиями, стратегиями, интересами политических акторов. Пятый и шестой кластеры – вариации новых автократий и диктатур, однако Киргизия здесь выглядит явной ошибкой.

Очевидно, что дальнейшие разработки кластеризации посткоммунистических стран должны базироваться на иных, более интегрированных количественных и качественных подходах.

Попробуем зафиксировать некоторые результаты осуществленного количественного и качественного анализа структурных и процедурных факторов демократизации.

Прежде всего, мы в состоянии выявить *типологически различные модели взаимозависимости структурных и процедурных факторов и результатов режимных изменений* в анализируемых посткоммунистических странах. В одних случаях благоприятные структурные условия на старте трансформации (в 1989 г., 1991 г. или позднее) соответствуют траектории режимных изменений, ведущих к формированию новых консолидированных либеральных демократий. Это прежде всего – Чехия и Словения, которые уже в начале режимной трансформации имели наивысший для посткоммунистических стран уровень ВВП/человек (11–12 тыс. долл.), высокие уровни ИРЧП и продолжительности жизни при рождении, а также средний коэффициент Джини. Другие посткоммунистические страны тоже с хорошими, но не столь высокими стартовыми условиями вошли в группу новых демократий, хотя и «неполных», «с изъянами» (с точки зрения большинства индексов демократии) – Польша, Венгрия, Словакия, Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Сербия, Румыния, Украина, Хорватия, Черногория, Македония (ВВП/человек – от 5 до 9 тыс. долл. и относительно высокие показатели по ИРЧП, продолжительности жизни и средние по коэффициенту Джини). При этом же достаточно четко прослеживается зависимость между гораздо более низкими уровнями развития на старте посткоммунистических преобразований и возникновением «гибридных» режимов (Албания, Босния и Герцеговина, Армения, Грузия). Наконец, для новых авторитарных режимов (Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) характерны совсем низкие структурные условия на старте трансформации – ВВП/человек от 1,5 до 3,5 тыс. долл., низкие показатели ИРЧП и продолжительности жизни при рождении и более высокий коэффициент Джини.

Казалось бы, структурный подход получает свои подтверждения. Судя по всему, действительно, существуют наиболее *благоприятные* объективные условия для формирования консолидированных демократий и существуют условия, *неблагоприятные* для демократии, которые ведут к воспроизводству новых форм авторитаризма. Это должно было бы подтверждать наши гипотезы о роли структурных факторов в процессах демократизации, особенно – на стадии демократической консолидации, а также о задаваемых ими пределах и «порогах» демократизации.

Однако с позиции структурного подхода не могут быть объяснены очевидные *«аномалии»*. С одной стороны, это Россия, Белоруссия и Казахстан, у которых, казалось, были неплохие стартовые условия для демократической траектории развития (ВВП/человек на уровне от примерно 5 до почти 9 тыс. долл. и высокие показатели ИРЧП). С другой стороны, Молдова и Монголия, бедные и малоразвитые страны (ВВП/человек – от 1,5 до 2,5 тыс. долл.), которым в конце концов удалось выйти на формирование

конкурентных демократических институтов и практик. Очевидно, что объяснение кроется во влиянии факторов иного, «неструктурного» типа – *факторах процедурных, актор-центрированных, в решениях и действиях, стратегиях и тактиках ключевых политических акторов*. Этот вывод в нашем исследовании подтверждается как количественным анализом, показывающим, что общий социально-экономический уровень развития способен объяснить результаты режимных изменений менее чем на 50%, так и проведенным качественным сравнительным анализом посткоммунистических страновых казусов.

Таким образом, осуществленный количественный и качественный анализ:

– подтверждает первую гипотезу исследования – стратегии политических акторов, действительно, особо значимы в начале транзита, тогда как структурные факторы – на стадии демократической консолидации;

– вносит коррективы во вторую и третью гипотезы – структурные факторы не всегда определяют режимные результаты; они также не всегда задают пределы («потолки») демократизации в конкретном социально-историческом контексте, по крайней мере в отдельных ситуациях действия политических акторов являются решающими;

– не может подтвердить или опровергнуть четвертую гипотезу – подтверждается высокая связь между качеством институтов и интегральным индексом демократии, однако каузальная связь не выявлена, т.к. для этого требуются иные, более тонкие аналитические инструменты.

Иными словами, при всех структурно благоприятных предпосылках и структурно неблагоприятных ограничителях *действия политических акторов способны в решающих ситуациях определять реальную направленность и характер траекторий политических трансформаций и режимных изменений* (в нашем конкретном исследовательском случае – в посткоммунистических странах, хотя полученный вывод, скорее всего, может быть экстраполирован)¹. Очевидно, что этот общий вывод также задает направленность дальнейшим, более дифференцированным исследованиям режимных изменений и влияющих на них факторов, в том числе на более широкой выборке, с использованием дополнительных релевантных переменных, с использованием различных методологических подходов.

Нерешенные методологические проблемы

Как представляется, с учетом предпринятой в проекте попытки сочетания количественных и качественных методов анализа, нами получены нетривиальные результаты, позволяющие проектировать дальнейшие направления количественных и качественных исследований рассматривае-

¹ К сходным выводам на основе качественного анализа мы приходим с Б.И. Макаренко [Makarenko, Melville, 2011].

мой проблематики. Вместе с тем эти же результаты заставляют думать о нерешенных в рамках данного проекта проблемах, прежде всего методологического характера.

При продолжении общей линии нашего исследования факторов демократизации с использованием количественных и качественных методов придется решить, как минимум, следующие задачи.

Наша выборка состоит из 29 посткоммунистических стран, при этом в базу данных были включены еще и 37 «контрастных» стран, по которым сравнительный анализ не проводился. По всей видимости, следует четче рассмотреть теоретические аргументы, по которым эти страны были внесены в дополнительную выборку, и распространить на них те же количественные и качественные методы анализа, которые используются в отношении посткоммунистических стран.

Мы выявили «пересечения» и дублирование целого ряда переменных, включенных в базу данных (например, в отношении ВВП, параметров человеческого развития и др.). Эти «пересечения» и дублирования, скорее всего, должны создавать «шумы», деформирующие результаты анализа. Соответственно необходимо обновление самой базы данных.

Как отмечалось выше, нам не удалось занести в базу данных адекватные измеряемые переменные, характеризующие особенности факторов политической культуры: обращение к источникам Инглехарта и Велзела не дало результатов в силу их выборочного характера. На следующем этапе исследования следует рассмотреть иной круг источников (в том числе данные различных «Барометров»).

Важным было бы уточнить возможности квантификации переменных, относящихся к процедурным факторам, помимо уровней конкуренции и формы правления.

В рамках проекта на основе индексов Freedom House и Polity IV был разработан интегральный индекс демократии, в соответствии с которым осуществлялась оценка такой важной независимой переменной, как уровни демократического развития стран выборки. Нам предстоит критически оценить «плюсы» и «минусы» такого подхода и в случае необходимости внести коррективы.

Следовало бы повторно рассмотреть процедуры, использованные в количественном анализе, которые выявили указанные выше четыре наиболее значимые структурные переменные – ВВП/человек, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень развития человеческого потенциала и уровень неравенства в доходах. Дело в том, что ИРЧП, как известно, включает в себя некоторые из этих переменных.

Остаются нерешенными вопросы использования кластерного анализа применительно к двум поставленным задачам: выявлению групп стран, сходных по траекториям политических трансформаций, и групп стран, сходных по зависимости этих траекторий от исходных структурных условий.

Нерешенных – методологических и содержательных – вопросов, вытекающих из предпринятого исследования, конечно же, намного больше, чем было затронуто в этом тексте. По всей видимости, они и должны составить основную повестку дня при продолжении нашего исследования.

Литература

- Дани Дж.* Демократия как фантом, мечта и реальность // Демократия и демократизация: К дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Европа, 2010. – С. 23–40.
- Мельвиль А.Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – М., 1998. – № 2. – С. 6–38.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К.* Условия демократии и пределы демократизации // Полис. – М., 2011. – № 4. – С. 164–183.
- Оппозиции нашего времени: Доклад Института общественного проектирования о состоянии и перспективах политической системы России / Институт общественного проектирования. – М.: ИНОП, 2011. – Режим доступа: http://www.inop.ru/files/inop_doklad_2011.pdf
- Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др. – Москва: МГИМО-Университет, 2007.
- Полтерович В., Попов В.* Демократия, качество институтов и экономический рост // Прогнозис. – М., 2006. – № 3. – С. 115–132.
- Acemogly D., Robinson A.* Economic origins of dictatorship and democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006.
- Almond G., Verba S.* The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. – Princeton: Princeton univ. press, 1963.
- Ambrosio T.* Constructing a framework of authoritarian diffusion. Concepts, dynamics, and future research // International studies perspectives. – Oxford, 2010. – Vol. 11, N 4. – P. 375–392.
- Barry R.* Determinants of democracy // The journal of political economy. – Chicago, 1999. – Vol. 107, N 6. – P. 158–183
- Besaçon M.* Good governance rankings: The art of measurement // World Peace Foundation report. – Cambridge, MA: John F. Kennedy school of government: Harvard univ., 2003. – N 36.
- Boix C.* Democracy and redistribution. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003.
- Boix C., Stokes S.* Endogenous democratization // World politics. – Baltimore, 2003. – Vol. 55, N 4. – P. 517–549.
- Brooker P.* Non-democratic regimes. 2 nd edition. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009.
- Burnell P.* Political strategies of external support for democratization // Foreign policy analysis. – Oxford, 2005. – Vol. 1, N 3. – P. 361–384.
- Chiot D.* Does democracy work in deeply divided societies? // Is democracy exportable? / Barany Z., Moser R. (eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – P. 85–109.
- Colomer J.* Strategic transitions. Game theory and democratization. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins univ. press, 2000.
- Crouch C.* Post-democracy. – Roma; Bari: Laterza, 2003.

- Democracy and development: Political institutions and well-being in the world, 1950–1990 / A. Przeworski, M. Alvarez, J. Cheibub, F. Limongi. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000.
- Democratic transitions / D.L. Epstein, R. Bates, J. Goldstone, I. Kristenza, S. O'Holloran // American journal of political science. – Hoboken, NJ, July. 2006. – Vol. 50, N 3. – P. 551–569.
- Di Palma G. To craft democracies: An essay on democratic transitions. – Los Angeles: Univ. of California press, 1990.
- Diamond L.* Can the whole world become democratic? Democracy, development, and international politics // Center for study of democracy. Univ. of California, Irvine. – 2003. – Paper 03'05. – Mode of access: <http://escholarship.org/uc/item/7bv4b2w1>
- Diamond L.* The democratic rollback // Foreign affairs. – N.Y., 2008. – Vol. 87, N 2. – P. 36–48.
- Diamond L.* Thinking about hybrid regimes // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 21–35.
- Diamond L.* Why are there no Arab democracies? // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2010. – Vol. 21, N 1. – P. 93–104.
- Diskin A., Diskin H., Hazan R.* Why democracies collapse: The reasons for democratic failure and success // International political science review. – Beverly Hills, CA, 2005. – Vol. 26, N 3. – P. 291–309.
- Electoral authoritarianism. The dynamics of unfree competition / Schedler A. (ed.). – Boulder: Lynne Rienner, 2006.
- Elshtain J.B.* Religion and democracy // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 20, N 2. – P. 5–17.
- Fish S.* Encountering culture // Is democracy exportable? / Z. Barany, R.G. Moser (eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – P. 57–84.
- Fish S.* Islam and authoritarianism // World politics. – Baltimore, 2002. – Vol. 55, N 1. – P. 4–37.
- Fish S., Wittenberg J.* Failed democratization // Democratization / C. Haerpfer, P. Bernhagen, R. Inglehart, C. Welzel (eds.). – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2009. – P. 249–265.
- Fukuyama F.* Liberalism versus state-building // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 10–13.
- Geddes B.* What causes democratization? // The Oxford handbook of comparative politics / C. Boix, S. Stokes (eds.). – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2007. – P. 317–339.
- Gurses M.* State-sponsored development, oil and democratization // Democratization. – L., 2009. – Vol. 16, N 3. – P. 508–529.
- Houle Ch. Inequality and democracy: Why inequality harms consolidation but does not affect democratization // World politics. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 64, N 4. – P. 589–622.
- Huntington S.* The third wave: Democratization in the late twentieth century. – Norman; L.: Univ. of Oklahoma press, 1991.
- Ibrahim S.E.* Toward Muslim democracies // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2007. – Vol. 18, N 2. – P. 5–13.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005.
- Inkeles A., Smyth D.* Becoming modern: Individual change in six developing countries. – Cambridge: Harvard univ. press, 1974.
- Is democracy exportable? / Barany Z., Moser R. (eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009.

- Kaplan R.* Was democracy just a moment? // The Atlantic monthly. – Mode of access: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1997/12/was-democracy-just-a-moment/6022/>
- Kapstein E., Converse N.* Why democracies fail? // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2008. – Vol. 19, N 4. – P. 57–68.
- Kaufmann D., Kraay A.* Governance indicators: Where are we, where should we be going? // The World Bank research observer. – Washington, D.C., 2008. – Vol. 23, N 1. – Mode of access: <http://www.transparency.org.uk/anti-corruption-resources/50-measuring-corruption/85-governance-indicators-where-are-we-where-should-we-be-going>
- Kopstein J., Reilly D.* Geographic diffusion and the transformation of the postcommunist world // World politics. – Baltimore, MD, 2000. – Vol. 53, N 1. – P. 1–37.
- Levitsky S., Way L.* Competitive authoritarianism. Hybrid regimes after the Cold war. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010.
- Levitsky S., Way L.* The rise of competitive authoritarianism // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 51–65.
- Linz J., Stepan A.* Problems of democratic transitions and consolidation: Southern Europe, South America and post-communist Europe. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1996.
- Lipset S.M.* Political man: The social bases of politics. – Garden City: Doubleday, 1959.
- Makarenko B., Melville A.* How do transitions to democracy get stuck and where? // Democracy in a Russian mirror / Przeworski A. (ed.). – N.Y.: Cambridge univ. press, 2011 (forthcoming).
- Manin B.* The principles of representative government. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1997.
- Mansfield E.D., Snyder J.* The sequencing «fallacy» // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 5–9.
- Moore B.* Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. – Boston: Beacon press, 1996.
- Norris P.* Stable democracy and good governance in divided societies: Do powersharing institutions work? // John F. Kennedy School of Government faculty: Research papers series. – N RWP05–014. – February 2005. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=722626
- O'Donnell G., Schmitter P., Whitehead L.* Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1986.
- Pevehouse J.* Democracy from the outside-in? International organizations and democratization // International organization. – Cambridge, MA, 2002 – Vol. 56, N 3. – P. 515–549.
- Popov V.* Lessons from the transition economies. Putting the success stories of the postcommunist world into a broader perspective // UNU-WIDER: Research paper. – 2009. – N 2009/15, March.
- Popov V.* The long road to normalcy. Where Russia now stands // UNU-WIDER: Working paper. – 2010. – № 2010/13, February.
- Przeworski A., Limongi F.* Modernization: Theories and facts // World politics. – Baltimore, MD, 1997. – Vol. 49, N 2. – P. 155–183.
- Ross M.* Does oil hinder democracy? // World politics. – Baltimore, MD, 2001. – Vol. 53, N 3. – P. 325–361.
- Rueschemeyer D., Stephens E.H., Stephens J.D.* Capitalist development and democracy. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1992.
- Rustow D.* Transitions to democracy: Towards a dynamic model // Comparative politics. – Chicago, 1970. – Vol. 2, N 3. – P. 337–363.

- Sharma S.* Democracy, good governance, and economic development // Taiwan journal of democracy. – Taipei, 2007. – Vol. 3, N 1. – P. 29–62.
- Snyder R.* Beyond electoral authoritarianism: The spectrum of nondemocratic regimes // Electoral authoritarianism. The dynamics of unfree competition / A. Schedler (ed.). – Boulder; L.: Lynne Rienner publishers, 2006. – P. 219–231.
- Tansey O.* Democratization without a state: Democratic regime-building in Kosovo // Democratization. – L., 2007. – Vol. 14, N 1. – P. 129–150.
- Teorell J.* Determinants of democracy. Explaining regime change in the world, 1972–2006. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010.
- Teorell J., Hadenius A.* Democracy without democratic values: A rejoinder to Welzel and Inglehart // Studies in comparative international development. – New Brunswick, NJ, 2006. – Vol. 41, N. 3. – P. 96–111.
- Teorell J., Hadenius A.* Determinants of democratization: Taking stock of the large-N evidence // Democratization. The state of the art / D. Berg-Schlosser (ed.). – Opladen; Farmington Hills: Barbara Budrich publishers, 2007. – P. 69–96.
- Tilly C.* Democracy. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007.
- Treisman D.* Oil and democracy in Russia // NBER: Working paper series. – 2010. – Working paper 15 667, January.
- Vanhanen T.* Prospects of democracy: A study of 172 countries. – L.; N.Y.: Routledge, 1997.
- Vanhanen T.* The fate of imposed democratization: Paper for the delivery at the First global international studies conference. – 24–27 August, 2005, Istanbul, Turkey.
- Vanhanen T.* The limits of democratization. climate, intelligence, and resource distribution. – Augusta: Washington Summit publishers, 2009.
- Zakaria F.* The future of freedom. Illiberal democracy at home and abroad. – N.Y.: Norton and company, 2003.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ НА ЗАВТРА

М.В. Ильин

АРХИВ ВАДИМА ЦЫМБУРСКОГО

Вадим Леонидович Цымбурский принадлежит к редкой категории людей исключительно широких и по своим интересам, и по умению с разных, порой очень неожиданных сторон взглянуть на действительность. Именно принадлежит. Их время только приходит. Некоторые, возможно, только предстоит оценить.

Кто же такой Вадим Цымбурский? Он родился во Львове в феврале 1957 г. Окончил классическое отделение филологического факультета МГУ, а затем и аспирантуру там же. С 1986 по 1990 г. работал в Институте США и Канады в лаборатории В.М. Сергеева, где занимался когнитивным моделированием. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Гомеровский эпос и этногенез Северо-Западной Анатолии». С 1990 по 1995 г. работал в Институте востоковедения РАН, а затем в Институте философии РАН до своей кончины в марте 2009 г.

Биография очень короткая. Она вмещает всего 52 года. Однако за это время Вадим Цымбурский сумел сделать исключительно много. В области филологии Цымбурский создал замечательные работы по латинскому и греческому языкам, в высшей степени оригинальные и новаторские труды по антолийским и тирренским языкам, включая этрусский, мощно продвинул реконструкцию этого языка. Он предложил ряд ярких и убедительных этимологий. Два очерка публикуются в нынешнем выпуске МЕТОДа. Разрабатывал сюжетосложение жанровых мифов и написал в высшей степени изящную статью о «Маленьких трагедиях» Пушкина. Вадим Цымбурский очень плодотворно работал в области когнитивной науки, концептологии и сопряженных с ними отраслях политологии. Он успешно разрабатывал историю политической и общественной мысли. Наконец, создал немало в высшей степени ярких работ по геополитике, а затем и хронополитике.

В следующих выпусках ежегодника предполагается опубликовать некоторые из работ Цымбурского. А пока мы предлагаем читателям избранную библиографию трудов В.Л. Цымбурского.

**Цымбургский В.Л.
Избранная библиография**

Военная доктрина СССР и России: Осмысления понятий «угрозы» и «победы» во второй половине XX века. – М.: МО РФ, 1994.

Гомер и история Восточного Средиземноморья. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – (в соавторстве с Л.А. Гиндиным).

Открытое общество: От метафоры к ее рационализации (Исходный миф и его самокритика). – М.: Московский научный фонд, 1997. – (в соавторстве с М.В. Ильиным).

Россия – Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. – М.: УРСС, 1999.

Борьба за евразийскую Атлантиду: Геоэкономика и геостратегия. – М.: Институт экономических стратегий, 2000.

Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. – М.: РОССПЭН, 2007.

Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – М.: Европа, 2011.

Scripta minora. – М.: Европа, 2011.